

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Мойса Анны Александровны
«Роль немецкой Реформации в конструировании
национальной идентичности
в германских государствах (1815-1848 гг.)»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по научной специальности
5.6.2 — «Всеобщая история»

Тема диссертации А.А. Мойса находится на настоящем перекрестье современных подходов – культурной истории, исторической памяти, истории понятий, визуальной истории. Общеизвестно, что огромную роль в конструировании национальной идентичности играют специфически переосмысленные события прошлого, а также знаковые символические фигуры. В данном случае в центре внимания оказывается Реформация, а также крупнейшая историческая фигура – Мартин Лютер. Однако, при всей масштабности как события, так и личности, их «национализирующий» потенциал не был беспрецедентным (в отличие от безусловно доминировавших в национальном дискурсе первых десятилетий XIX в. «германского» и «имперского» мифов с воплощавшими их Арминием и Фридрихом Барбароссой): в истории искали прежде всего проявления национального единства, Реформация же принесла с собой конфессиональный и политический раскол. Очевидно, что в этом случае требовались некие особые линии аргументации и коммеморативные практики, которые позволили бы полноценно приобщить к пантеону национальной памяти столь неоднозначное прошлое. В этом смысле тема диссертации А.А. Мойса звучит не просто оправданно и интересно, но где-то даже интригующе.

По своей структуре диссертация состоит из классических трёх глав, введения, заключения, а также приложений.

Объект исследования, на мой взгляд, сформулирован очень хорошо - образ немецкой Реформации в исторической памяти германских государств. Предмет, цели и задачи уточняют всё ту же главную проблему диссертации – каким образом, какими средствами и путями Лютер и Реформация оказывались приемлемыми в качестве агентов национальной памяти. Особенно любопытно звучит третья задача - раскрыть влияние культурных ценностей эпохи Бидермайер на рецепцию Реформации.

Хронологические рамки вполне оправданы, хотя стоит отметить, что далеко не вся немецкая историография весь период 1815-1848 гг. называет «Предмартом», скорее имеется в виду общественное и политическое оживление после 1830 г., выводящее на мартовскую революцию 1848 г.

Историография разбита на четыре основные группы, посвященные исследованиям национального самосознания, Реформации, Бидермайера, фигуре Лютера в исторической памяти. Литературу по Бидермайеру А.А.Мойса привлекает к рассмотрению для выполнения одной из самых интересных задач диссертации – «изучить механизмы популяризации национальных идей не только в контексте политически направленных нарративов, но и рамках бюргерской повседневной культуры». (С. 7) Учитывая чрезвычайно широкий масштаб проблематики, нужно отметить, что выбор литературы обоснован и вполне репрезентативен. Не в порядке критики автора, а в качестве помощи для будущей работы советую обратить внимание также на исследования Ж. Шэ, особенно на его статью, посвященную Реформации как немецкому «месту памяти»¹.

Источники диссертации чрезвычайно интересны и многообразны. Их классическое видовое перечисление в соответствующем параграфе дает необходимое, но лишь отдаленное представление о том богатстве, которое раскрывается в главах диссертации – газеты и проповеди, энциклопедии и исторические сочинения, монеты и графика и многое другое. В целом,

¹ Chaix G. Die Reformation // François Etienne, Schulze. Hagen (Hg.). Deutsche Erinnerungsorte II. München, 2001. S. 9-27.

широкая и разноплановая источниковая база безусловно относится к выигрышным чертам диссертации.

Совершенно особого внимания заслуживает обоснование методологических основ диссертации. К сожалению, весьма часто диссертанты ограничиваются весьма общими и неспецифическими теоретическими основаниями, однако в данном случае мы имеем дело с совершенно предметной и, я бы сказал, адресной методологической базой. И, что особенно следует подчеркнуть, с базой действительно работающей. Если автор указывает, скажем, что опирается на модернистскую теорию национализма, историю понятий Р. Козеллека или иконологию, то результаты этого мы в самом деле можем наблюдать непосредственно в тексте.

Структура диссертации отличается чёткой внутренней логикой. В первой главе **«Особенности формирования немецкого национального самосознания в первой половине XIX в.»** рассматриваются общие условия формирования немецкого самосознания в начале XIX в. А.А. Мойса совершенно правильно выделила классических «пророков» немецкого национализма – И.Г. Фихте, Ф.Л. Яна, Э.М. Арндта, проанализировав их идеи, а также верно подчеркнул тот перелом, который принесло в немецкое национальное сознание вторжение Наполеона. Наряду с идейной, показана и фактическая сторона, те реалии и события, в рамках которых развивалось национальное движение – Вартбургской и Гамбахское празднества, репрессивные меры Германского союза, Рейнский кризис.

Во втором параграфе первой главы автор включает иной методологический регистр и анализирует выявленный круг идей с помощью методики истории понятий. Главным источником на этот раз служат различные энциклопедические издания и словари. Особенно впечатляюще динамика распространения национального, как количественно, так и качественно, показана на примере энциклопедии Брокгауза, практически не замечавшей тему нации в изданиях начала века и уделявшей ей огромное

внимание в изданиях 30-х гг. В выводах к главе автор фокусирует внимание на наличии разных трактовок понятий «нация» и «патриотизм».

Во второй главе **«Наследие Мартина Лютера в контексте германского вопроса»** А.А. Мойса предлагает целую панораму путей своеобразной «национализации» Реформации в первые десятилетия XIX в. В первом параграфе рассматривается один из таких путей – консолидирующий эффект 300-летнего юбилея Реформации. К чести автора следует отметить, что на протяжении всей диссертации она старается не уходить сразу в фактический материал, а выдвигать некие общие положения, на которых в дальнейшем строится та или иная часть исследования. В данном случае основному тексту параграфа предпосылается экскурс о значении юбилеев с позиций истории памяти. Затем мы снова встречаемся с теми же фигурами и событиями (Фихте и проч.), что и в первой главе, однако теперь фокус смещается непосредственно на трактовку Реформации. Общий вывод – празднование продемонстрировало преодоление границ лишь конфессиональной идентичности (с. 79).

Очень интересен следующий параграф, посвященный интерпретации Реформации в периодической печати, поскольку именно здесь, по выражению автора, разворачиваются своеобразные «войны памяти», в ходе которых отдельные идеологические направления предлагали «своего Лютера» (С. 82-85). Автор приходит к выводу, что если либералы и демократы ставили Реформацию в пример успешной борьбы за свободу слова, то консерваторы обеих конфессий стремились вернуть это событие в теологическое русло. Немного неясно, почему диссертантка на основании этого называет Лютера универсальным символом, коль скоро для разных кругов он символизировал разное.

От прессы А.А. Мойса переходит к анализу трактовок Реформации в германской историографии первой половины XIX в., в частности, трудам Л. фон Ранке и Ф.К. Шлоссера как виднейших представителей Берлинской и Гейдельбергской исторических школ. Отметив целый ряд различий, автор

подчеркивает, что гораздо более важным было общее, а именно изображение Реформации как события не сугубо конфессионального, а общенародного, как момент национального единения, а Лютера – не как раскольника, а как народного героя и морального образца для нации.

Наконец, в завершающем параграфе автор вновь возвращается к энциклопедическим изданиям, однако на этот раз в фокусе внимания трактовки Реформации, которые также показывают тот же процесс переосмысления наследия Лютера сквозь призму национальной идентичности. Общий вывод логичен: «в рамках национального дискурса первой половины XIX в. за Реформацией утвердилась консолидирующая роль» (С. 118).

Третья глава **«Роль ценностей Бидермайера в конструировании образа немецкой Реформации»** кажется мне наиболее интересной, в первую очередь из-за не самой обычной постановки проблемы. Распространение национальной идеи в публичной сфере как некоего набора выраженных политических смыслов, достигаемое в результате целенаправленной деятельности различных энтузиастов национального дела – вещь хорошо известная (вспомним хотя бы «триаду М.Гроха») и, я бы сказал, неплохо «видимая». Гораздо сложнее разглядеть, как национальное постепенно просачивалось в самую близкую среду обычного немца, в его семью, приходя в резонанс с теми подчеркнута аполитичными идиллически-сентиментальными ценностями, которые культивировал Бидермайер.

В первом параграфе автор дает общую характеристику этого явления – и как такового, и в его противопоставлении понятию Предмарт, подчеркивая тем самым двойственность эпохи. Действительно, если Предмарт, как автор показал в предыдущих главах, – это листовки, газеты, манифестации, то Бидермайер несет национальные смыслы в гораздо более скромных, «деликатных», по выражению автора, формах – юмористических рассказах, семейных журналах и т.д.

Особенное значение имели различные визуальные медиумы – этому

сюжету автор посвящает второй параграф, вновь предваряя его общей характеристикой специфики визуальных источников с отсылками к У. Митчеллу и П. Нора. Название параграфа «Мартин Лютер в контексте визуальной рецепции Реформации» не кажется очень удачным, поскольку непонятно, что такое в данном случае визуальная рецепция и поскольку смысл дальнейшего скорее противоположный – не восприятие, а трактовка визуальными средствами, не рецепция, а, скорее, репрезентация. В центре параграфа – исследование памятника Лютеру в Виттенберге, проведенное в лучших традициях такого рода работ, когда рассматривается не только сам памятник, но вся полнота его социо-культурных измерений, от исходной гражданской инициативы и проектов до места в публичном пространстве и рецепции. Помимо этого анализируется еще множество визуальных источников, от графики до монет – и совершенно замечательно, что Приложения позволяют увидеть всё это многообразие воочию. В целом, А.А. Мойса показывает, что в такого рода изображениях Лютера конфессиональный момент умягчался, а сам он предстал в двойственном облике – входил в немецкие дома как человек из народа, образцовый семьянин, но вместе с тем сохранял пафос героя. Подобную же двойственность, но уже на других источниках автор прослеживает и в заключительном параграфе главы, причем отмечает, что семья Лютера, по сути, превратилась в идеальный тип немецкой семьи, приобрела едва ли не нормативный характер.

Выводы Заключения обоснованы и вытекают из проведенного исследования. В качестве рекомендации на будущее, особенно в случае доработки до публикации, к чему есть все основания, я бы еще больше усилил ту сюжетную линию диссертации, которая в Заключении итожится как «постепенное вытеснение конфессиональной идентичности» благодаря «переосмыслению немецкой Реформации сквозь призму национальных ценностей». Всё же именно здесь расположен основной нерв; интегрирующий и «национализирующий» потенциал новых трактовок

Лютера и Реформации заключается не только в создании неких национальных смыслов, но и в преодолении глубочайшего векового раскола.

Наряду с общей безусловно положительной оценкой диссертации, хотелось бы высказать следующие критические замечания:

1. В диссертации несколько раз говорится о некоем консервативном «рейхспатриотизме», являвшемся одним из полюсов трактовки нации в германских землях, в то время как второй полюс образовывала демократическая «гражданская» нация в духе французских традиций (С. 32-33, 80). Во-первых, сомнение вызывает оправданность самого термина, представляющего собой обрезанную кальку с немецкого Reichspatriotismus и, что важнее, неточно описывающего ситуацию, поскольку никакого имперского патриотизма быть не могло по той простой причине, что уже не существовало Империи. Указанные два полюса выглядят большим упрощением, поскольку в действительности картина была очень плюралистичной и, например, те же консерваторы вполне могли принимать национализм (как Й.М. Радовиц), те же либералы могли толковать нацию не только в «гражданском» духе, но и в органически-романтическом, а патриотизм нередко принимал облик партикуляризма. Вместе с тем это замечание не является принципиальным и носит сугубо уточняющий характер.
2. В диссертации широко представлено движение буршей, однако не дается никакой предварительной характеристики этого очень специфического явления. Введение понятия «бурса» (с. 41, 66, 70) как я полагаю, в качестве аналога Burschenschaft, никак не комментируется и представляется неудачным, поскольку в русском языке это слово существует с совсем иными смыслами.

Отмеченные недостатки ни в коей мере не снижают высокой положительной оценки диссертации, которая является законченным, оригинальным и самостоятельным исследованием, несомненно обладает научной новизной. Публикации автора отражают основные результаты

исследования. Автореферат соответствует содержанию диссертации. Таким образом, диссертация А.А. Мойса «Роль немецкой Реформации в конструировании национальной идентичности в германских государствах (1815-1848 гг.)» соответствует паспорту научной специальности 5.6.2 «Всеобщая история», отвечает требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук.

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры новой и новейшей истории
исторического факультета
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный
университет им. М.В.Ломоносова»

Александр Сергеевич Медяков

Дата составления отзыва: 30.05.2016

Адрес места работы:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»
Телефон: +7 (495) 939-10-00; факс: +7 (495) 939-01-26
Электронная почта: info@rector.msu.ru

*Подпись А.С. Медякова
заверено
А.С. Белоусов
И.О. Деманова
историческое факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
академик РАН, профессор*

